

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Зубарев Никита Сергеевич

АФФЕКТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДОВЕРИЯ ПРЕЗИДЕНТУ РОССИИ

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
PhD
Понарин Эдуард Дмитриевич

Москва – 2024

Постановка исследовательской проблемы и характеристика степени ее разработанности

Граждане страны отличаются друг от друга по степени доверия институтам власти. При этом понятие политического доверия не имеет консенсусного определения среди специалистов в социальных науках. Одни понимают его как ресурс, который политические акторы расходуют, чтобы добиться желаемого результата. Для других доверие — это готовность следовать за политическими лидерами в их решениях. Доверие также интерпретируют как чувство, присущее сообществу, объединённому общим пониманием ценностей. Хетерингтон даёт следующее определение политического доверия: «базовый оценочный взгляд на правительство, отталкивающийся от того, насколько хорошо правительство работает в соответствии с нормативными ожиданиями людей».¹ Ключевая часть этого определения — использование слова «ожидания», поскольку мнения людей о функционировании политических институтов часто расходятся с тем, как эти институты функционируют на самом деле.² Основная задача настоящего диссертационного исследования состоит в том, чтобы уточнить несколько теоретически ожидаемых механизмов, которые помогают гражданам сформировать политическое доверие.

Различия в индивидуальных уровнях политического доверия часто связывают с реакцией граждан на политические события. Большая дистанция между политическим курсом (англ. *policy distance*), который реализует правительство, и политическим курсом, который хотят видеть жители страны, является причиной низкого институционального доверия. Также на уровень доверия влияют экономические результаты деятельности государственных институтов.³ Сам процесс работы институтов власти важен для граждан: если они функционируют по общепринятым правилам, доверие к ним не будет снижаться.

¹ Hetherington M. J. The Political Relevance of Political Trust // *American Political Science Review*. 1998. Vol. 92. № 4. P. 791.

² Там же.

³ Mishler W., Rose R. What Are the Political Consequences of Trust?: A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia // *Comparative Political Studies*. 2005. Vol. 38. № 9. P. 1050—1078.

Наконец, то, как медиа освещают политические события, также может сказаться на уровне доверия.⁴

В исследованиях нет консенсуса о том, какие факторы, определяющие уровень политического доверия, являются наиболее важными. Факторы, перечисленные выше, можно отнести к когнитивной модели политического доверия, так как они предполагают необходимость целенаправленно обдумать поступающую информацию. Альтернативой «когнитивному» происхождению институционального доверия являются «аффективные» детерминанты доверия.⁵ Я называю такую модель «альтернативной», поскольку она объясняет институциональное доверие, отталкиваясь от чувственных реакций индивидов. Одна интерпретация эмоциональных (аффективных) оценок политической информации предполагает, что их можно определить как «сводное хранилище»⁶ результатов обработки информации в прошлом. Исследования в области политической психологии имели немалое значение в теоретическом обосновании роли аффективных факторов в формировании институционального доверия. Политическая психология интерпретирует поведение людей, отталкиваясь от того, к каким социальным группам они принадлежат, какие личностные особенности и ценности имеют, какие эмоции испытывают. Аффективные факторы можно определить как «личные чувства, установки или ценности автора или говорящего, выведенные из их слов и/или невербального поведения».⁷ Таким образом, настоящая работа вносит вклад в исследования эмоциональной стороны политического доверия, которое можно объяснить через желание граждан выразить взгляды, ценности, чувства и эмоции.

Обозначим теоретическую рамку исследования аффективных факторов политического доверия. Прежде всего, это теория социальной идентичности,

⁴ Citrin J., Stoker L. Political Trust in a Cynical Age // *Annual Review of Political Science*. 2018. Т. 21. № 1. P. 49—70.

⁵ Там же.

⁶ Marcus G. E. Emotions in Politics // *Annual Review of Political Science*. 2000. Vol. 3. № 1. P. 228.

⁷ affective meaning [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/oi/authority.20110803095354410> (дата обращения: 10.05.2024).

которую можно определить как «социально-психологический анализ роли самовосприятия в групповом членстве, групповых процессах и межгрупповых отношениях».⁸ Влияние идентичности на поведение и установки можно отчасти объяснить через социальные нормы. Люди получают удовлетворение, когда ведут себя в соответствии с нормами, установленными в группе, и чувствуют дискомфорт, когда «идут против течения».⁹ Национальная идентичность — одна из форм социальной идентичности, которая, согласно идеям сторонников либерального национализма, играет в современном обществе роль «клея». Национальная идентичность служит объединяющим фактором в контексте культурного разнообразия и способствует росту доверия и солидарности.¹⁰ К примеру, Тан Вэньфан показал, что в Китае высокая степень привязанности к своей стране связана с оппозицией по отношению к демократическим реформам, нескольким формам гражданского неповиновения и капиталистической экономике. Кроме того, привязанность к своей стране оказывает сильный положительный эффект на доверие к центральному правительству.¹¹ Влияние социальной идентичности на политическое поведение также было показано на примере стран Африки, где избиратели голосовали за представителей собственной этнической и/или языковой группы.¹² Особая сила социальной (национальной) идентичности состоит в том, что она может награждать политических лидеров, например, за достижения во внешней политике, но при этом не играть особой роли при оценке гражданами социально-экономического положения государства.¹³

⁸ Hogg M. A. Social Identity Theory // *Contemporary Social Psychological Theories* / ed. P. J. Burke. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006. P. 111—136.

⁹ Axelrod R. An Evolutionary Approach to Norms // *The American Political Science Review*. 1986. Vol. 80. № 4. P. 1095—1111.

¹⁰ Gustavsson G., Miller D. Why Liberal Nationalism Today? // *Liberal Nationalism and Its Critics*. New York: Oxford University Press, 2019. P. 1—20.

¹¹ Tang W. *Populist Authoritarianism: Chinese Political Culture and Regime Sustainability*. Oxford University Press, 2016.

¹² Posner D. N. *Institutions and Ethnic Politics in Africa*. Cambridge University Press, 2005.

¹³ Sharafutdinova G. Public Opinion Formation and Group Identity: The Politics of National Identity Salience in Post-Crimea Russia // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 69. № 3. P. 1—13.

Национальная гордость — это положительное отношение индивида к стране, с которой он себя идентифицирует, а также к её достижениям и символам.¹⁴ Данное понятие является одним из способов концептуализации форм привязанности граждан к своей стране. Российские исследователи также выделяют такие формы идентичности, как «государственно-гражданская» и «национально-гражданская». Кроме того, на страновом уровне анализа выдвигается идея «нации наций».¹⁵ Среди факторов, определяющих силу национальной гордости, исследователи выделяют экономическое развитие государства,¹⁶ характеристики медиа, которые люди потребляют,¹⁷ экзогенные шоки (например, пандемию COVID-19¹⁸) и смену поколений¹⁹. Уровень национальной гордости также различается в зависимости от таких социально-демографических характеристик, как возраст, уровень образования и доход.²⁰ Политическое неравенство между этносами может негативно сказаться на уровне национальной гордости уязвимой группы.²¹ Обращу внимание на то, что гордость за страну варьируется в таких измерениях, как гордость за экономику, науку, историю, спорт, искусство и литературу.²² Значимость

¹⁴ Müller-Peters A. The significance of national pride and national identity to the attitude toward the single European currency: A Europe-wide comparison // *Journal of Economic Psychology*. 1998. Vol. 19. № 6. P. 701—719.

¹⁵ Семененко И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. Т. 59. № 11. С. 91—102.

¹⁶ Evans M. D. R., Kelley J. National Pride in the Developed World: Survey Data from 24 Nations // *International Journal of Public Opinion Research*. 2002. Vol. 14. № 3. P. 303—338.

¹⁷ Cohen J. What I Watch and Who I Am: National Pride and the Viewing of Local and Foreign Television in Israel // *Journal of Communication*. 2008. Vol. 58. № 1. P. 149—167.

¹⁸ Lim S., Prakash A. Pandemics and citizen perceptions about their country: Did COVID-19 increase national pride in South Korea? // *Nations and Nationalism*. 2021. Vol. 27. № 3. P. 623—637.

¹⁹ Tilley J., Heath A. The decline of British national pride // *The British Journal of Sociology*. 2007. Vol. 58. № 4. P. 661—678.

²⁰ Chung K., Choe H. South Korean National Pride: Determinants, Changes, and Suggestions // *Asian Perspective*. 2008. Vol. 32. № 1. P. 99—127.; Smith T. W., Kim S. National Pride in Comparative Perspective: 1995/96 and 2003/04 // *International Journal of Public Opinion Research*. 2006. Vol. 18. № 1. P. 127—136.

²¹ Ray S. Ethnic Inequality and National Pride // *Political Psychology*. 2018. Vol. 39. № 2. P. 263—280.

²² Evans M. D. R., Kelley J. National Pride in the Developed World: Survey Data from 24 Nations // *International Journal of Public Opinion Research*. 2002. Vol. 14. № 3. P. 303—338.

того или иного измерения может отличаться в разных странах в зависимости от того, какой аспект гордости наиболее важен для населения.²³

За последние десятилетия россияне с высоким уровнем национальной гордости стали чаще верить в превосходство своей страны над другими государствами.²⁴ Ярким примером данного феномена является «посткрымский консенсус», выраженный в высоком уровне поддержки президента страны и других государственных институтов. Выросло количество людей, считающих себя патриотами и гордящихся государственными символами России.²⁵ Леонтий Бызов пишет: «в массовом сознании произошла реанимация архетипических ценностей укрепления державы, антизападничества, русского мира. Настроения общества в целом стали более радикальны, чем официальная политика власти».²⁶

«Эффект сплочения вокруг флага» определяется резким ростом политического доверия, причиной которого являются патриотическая консолидация населения или отсутствие критических точек зрения в СМИ. Исследования подтверждают, что события, которые имеют внутреннее или международное значение, повышают важность национальной идентичности и меняют поведение медиа и лидеров мнений.²⁷ Генри Хейл показал, что положительный эффект присоединения Крыма на усиление национальной идентичности и последующий рост доверия к Владимиру Путину был сильнее для

²³ Smith T. W., Jarkko L. *National Pride: A Cross-national Analysis*. Chicago, IL: National Opinion Research Center, University of Chicago, 1998.

²⁴ Fabrykant M., Magun V. *Dynamics of National Pride Attitudes in Post-Soviet Russia, 1996—2015* // *Nationalities Papers*. 2019. Vol. 47. № 1. P. 20—37.

²⁵ Патриотизм: мониторинг [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 10.05.2024).; Символы России [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/simvoly-rossii> (дата обращения: 10.05.2024).

²⁶ Бызов Л. *Идейные рубежи «посткрымского консенсуса» // Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016 — 2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. В. Федоров. Москва: Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 2018. С. 104.*

²⁷ Mueller J. E. *Presidential Popularity from Truman to Johnson* // *The American Political Science Review*. 1970. Vol. 64. № 1. P. 18—34.; Baker W. D., Oneal J. R. *Patriotism or Opinion Leadership?: The Nature and Origins of the “Rally ’Round the Flag” Effect* // *Journal of Conflict Resolution*. 2001. Vol. 45. № 5. P. 661—687.

тех, кто меньше смотрит государственное телевидение.²⁸ Тем не менее, также есть данные, показывающие, что события 2014 года оказали влияние на уже существовавший высокий уровень национальной гордости: одобрение Путина и восприятие его компетентности выросли гораздо значительнее, чем национальная гордость.²⁹ В то же время не все институты выигрывают от «сплочения вокруг флага»: события, вызывающие сплочение, могут снизить уровень доверия к отдельным институтам.³⁰

Несмотря на новые работы, демонстрирующие, что значительная доля людей, «сплочённых вокруг флага», могла на самом деле находиться под влиянием «эффекта социальной желательности»,³¹ необходимость объяснить искреннюю поддержку среди населения остаётся. Предыдущие работы не рассматривали потенциальный медиативный эффект национальной гордости и субъективного благополучия при определении уровня доверия к президенту.

Субъективное благополучие можно определить, как «эмоциональные реакции людей, удовлетворённость отдельными сферами жизни и общие суждения об удовлетворённости жизнью».³² Граждане имеют тенденцию полагаться на «интуитивные суждения» (англ. — *cognitive shortcuts*) при формировании своего отношения к политикам и институтам.³³ Можно выдвинуть предположение, что граждане, уровень субъективного благополучия (счастья) которых повысился, будут атрибутировать такое изменение результатам деятельности руководства страны. Это даст им повод гордиться этой страной и, как следствие, больше доверять

²⁸ Hale H. E. How Crimea Pays: Media, Rallying 'Round the Flag, and Authoritarian Support // *Comparative Politics*. 2018. Vol. 50. № 3. P. 369—391.

²⁹ Alexseev M. A., Hale H. E. Rallying 'round the leader more than the flag: Changes in Russian nationalist public opinion 2013—14 // *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000—2015* / eds. P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 192—220.

³⁰ Frye T. Economic Sanctions and Public Opinion: Survey Experiments From Russia // *Comparative Political Studies*. 2019. Vol. 52. № 7. P. 967—994.

³¹ Hale H. E. Authoritarian rallying as reputational cascade? Evidence from Putin's popularity surge after Crimea // *American Political Science Review*. 2022. Vol. 116. № 2. P. 580—594.

³² Diener E. et al. Subjective well-being: Three decades of progress // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125. № 2. P. 276—302.

³³ Achen C. H., Bartels L. M. *Democracy for Realists: Why Elections Do Not Produce Responsive Government*. Princeton University Press, 2016.

государственным институтам. Такое направление причинно-следственной связи предполагает, что медиатором взаимосвязи между субъективным благополучием и доверием к президенту является национальная гордость.

Кроме того, предыдущие исследования продемонстрировали, что (1) между субъективным благополучием и национальной гордостью существует устойчивая положительная корреляция³⁴; 2) более удовлетворённые жизнью граждане чаще доверяют действующей власти.³⁵ Данные тезисы позволяют предположить, что в первую очередь меняется уровень национальной гордости граждан, что затем сказывается на показателях субъективного благополучия, которое, в свою очередь, снижает или повышает доверие к президенту. Из этого следует, что теоретически роль медиатора, регулирующего доверие к президенту, может исполнять как национальная гордость, так и субъективное благополучие. Моя работа направлена на проверку системы взаимосвязей между национальной гордостью, субъективным благополучием и доверием к президенту.

Важно отметить, что данные, которые использовались в предыдущих исследованиях, не позволяют определить направление причинно-следственной связи между субъективным благополучием и национальной гордостью. Уровень счастья влияет на гордость за свою страну или же напротив — национальная гордость сказывается на субъективном благополучии? Данный вопрос требует прояснения. Оба направления причинно-следственной связи возможны.

Исследовательский вопрос: какова роль субъективного благополучия и национальной гордости в определении доверия к президенту России?

³⁴ Morrison M., Tay L., Diener E. Subjective Well-Being and National Satisfaction: Findings From a Worldwide Survey // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22. № 2. P. 166—171.; Камалов Э. А., Понарин Э. Д. Национальная гордость и субъективное благополучие россиян // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 177 — 205.

³⁵ Liberini F., Redoano M., Proto E. Happy voters // *Journal of Public Economics*. 2017. Vol. 146. P. 41—57.; Ward G. Happiness and Voting: Evidence from Four Decades of Elections in Europe // *American Journal of Political Science*. 2020. Vol. 64. № 3. P. 504—518.

Ответ на исследовательский вопрос позволит понять, во-первых, может ли гордость или субъективное благополучие играть роль медиатора в определении доверия к президенту; во-вторых, понять, изменения благополучия ведут к изменениям гордости или, наоборот, изменение уровня благополучия влечёт за собой изменения в гордости. Фокус на фигуре президента был выбран, так как Владимир Путин находится на высших руководящих позициях в России более 20 лет и играет особую роль в символической политике государства.³⁶

Для формирования полного понимания того, какие именно группы населения доверяют президенту, был сформулирован **дополнительный исследовательский вопрос**: какие социально-демографические характеристики и ценностные ориентации наилучшим образом описывают доверяющих президенту россиян? Ответ на данный исследовательский вопрос позволит уточнить ещё один аффективный аспект политического доверия, а именно роль ценностей.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является определение причинно-следственных связей в системе отношений между субъективным благополучием, национальной гордостью и доверием к президенту России.

Задачи исследования:

1. Определить теоретические основания взаимосвязи между национальной гордостью, субъективным благополучием и доверием к президенту;
2. Установить значимость субъективного благополучия и национальной гордости как потенциальных медиаторов доверия к президенту;
3. Описать основные ценностные ориентации и социально-демографические характеристики групп населения с разными уровнями доверия к президенту;
4. Уточнить направление причинно-следственной связи между субъективным благополучием и национальной гордостью.

³⁶ Foxall A. Photographing Vladimir Putin: Masculinity, nationalism and visibility in Russian political culture // Geopolitics. 2013. Vol. 18. № 1. P. 132—156.

Теоретико-методологические основания исследования и гипотезы

Для начала я дам определение трём ключевым понятиям, связь между которыми будет рассмотрена в настоящем диссертационном исследовании. Доверие к президенту измеряет степень уверенности граждан в национальном лидере или, другими словами, степень убеждённости в том, что президент будет действовать добропорядочно, а также в том, что он обладает уровнем компетенций, которые соответствуют нуждам и потребностям доверяющих.³⁷ Далее под национальной гордостью я понимаю благоприятное отношение к собственной нации, чувство уважения к ней.³⁸ Такое отношение можно описать как радость за успехи страны, с которой человек себя идентифицирует. Те, кто гордятся принадлежностью к нации, могут считать, что их сообщество превосходит другие национальные сообщества. Люди с высокой национальной гордостью привлекают внимание к предмету своей гордости для того, чтобы убедиться, что представители внешних групп позитивно оценивают культурные продукты, производимые их сообществом.³⁹ С одной стороны, гордость может быть чувством, укоренённым в социальные нормы, а другой — продуктом рациональных суждений о достижениях страны.⁴⁰ Ограничения в данных не позволяют учесть разницу между двумя аспектами гордости. Однако это не лишает меня возможности интерпретировать результаты эмпирической части исследования с позиций теории социальной идентичности. Использование национальной гордости как единственного индикатора привязанности к стране я считаю достаточным, так как фокус моего анализа направлен на объяснение различий в установках людей — в зависимости

³⁷ Citrin J., Stoker L. Political Trust in a Cynical Age // *Annual Review of Political Science*. 2018. Т. 21. № 1. P. 49—70.

³⁸ Smith T. W., Kim S. National Pride in Comparative Perspective: 1995/96 and 2003/04 // *International Journal of Public Opinion Research*. 2006. Vol. 18. № 1. P. 127—136.

³⁹ Магун В. С., Магун А. В. Ощущение связи со страной и гордость за ее достижения: российские данные в контексте международных сравнений // *Общественные науки и современность*. 2009. № 3. С. 32—44.

⁴⁰ Fabrykant M., Magun V. Grounded and normative dimensions of national pride in comparative perspective // *Dynamics of National Identity. Media and Societal Factors of What We Are* / eds. J. Grimm et al. Routledge, 2016. P. 83—112.

от их **готовности заявить** о благоприятном отношении к нации, об особом чувстве привязанности к ней. Наконец, я использую устоявшееся определение субъективного благополучия, под которым исследователи понимают индивидуальные оценки качества жизни. Это могут быть как эмоциональные реакции на происходящие с людьми события, так и осознанные оценки удовлетворённости такими сферами жизни как, например, брак и карьера.⁴¹

Отдельные гипотезы были предложены в виде альтернативных утверждений, где логика рассматриваемых взаимосвязей может противоречить друг другу. Такой подход к формулированию гипотез был избран потому, что публикации по проблематике диссертационного исследования предлагают отличные друг от друга теоретические подходы. Нам не известно, какое направление причинно-следственных связей между переменными является корректным. Итак, моя работа направлена на эмпирическое сравнение конкурирующих подходов.

Во-первых, проведена проверка классического утверждения сторонников либерального национализма о том, что национальная идентичность может быть источником доверия к институтам государства. Это предположение отталкивается от ожидания того, что представители одного национального сообщества будут относиться друг к другу справедливо, просто учитывая сам факт членства в одной группе.⁴² Данная идея совпадает с тезисом теории социальной идентичности о том, что члены одной социальной группы при принятии решений будут делать такой выбор, который приведёт к лучшему результату именно для членов их группы по сравнению с теми людьми, кто членами группы не является.⁴³ Я ожидаю, что россияне с высокими показателями национальной гордости будут чаще доверять президенту, поскольку его фигура играет особую роль в символической политике

⁴¹ Diener E., Oishi S., Lucas R. E. Personality, Culture, and Subjective Well-Being: Emotional and Cognitive Evaluations of Life // *Annual Review of Psychology*. 2003. Vol. 54. № Volume 54, 2003. P. 403—425.

⁴² Lenard P. T., Miller D. Trust and National Identity // *The Oxford Handbook of Social and Political Trust* / ed. E. M. Uslander. Oxford University Press, 2018. P. 57—74.

⁴³ Huddy L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory // *Political Psychology*. 2001. T. 22. № 1. P. 127—156.

России. Он выступает в качестве главного патриота, который может удовлетворить все нужды обычных граждан.⁴⁴ Я предполагаю, что россияне с высокой национальной гордостью доверяют президенту, так как ожидают, что проводимая им политика будет справедливой по отношению к ним, учитывая, что он является центральным представителем сообщества, принадлежностью к которому они гордятся. Из этих теоретических ожиданий следует гипотеза 1.1:

Гипотеза 1.1: *Среди россиян существует положительная корреляция между национальной гордостью и доверием к президенту.*

Логика «слепой ретроспективы» подсказывает, что респонденты могут атрибутировать собственный уровень благополучия результатам работы инкубентов. Одним из последствий этого может быть снижение или повышение доверия к президенту, так как у граждан будет повод отблагодарить или «наказать» инкубента, обеспечивающего для них определённый уровень благополучия.⁴⁵ Под «слепой ретроспективой» я подразумеваю такую модель политического доверия, согласно которой избиратели опираются на простые, интуитивно понятые и зачастую эмоционально нагруженные суждения, чтобы сформировать отношение к политикам и институтам.⁴⁶ Из этого следует гипотеза 1.2:

Гипотеза 1.2: *Среди россиян существует положительная корреляция между показателями субъективного благополучия и доверия к президенту.*

⁴⁴ Gill G. J. Symbolism and Regime Change in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.; Wengle S., Evans C. Symbolic state-building in contemporary Russia // Post-Soviet Affairs. 2018. Vol. 34. № 6. P. 384—411.

⁴⁵ Healy A., Malhotra N. Retrospective Voting Reconsidered // Annual Review of Political Science. 2013. Vol. 16., 2013. P. 285—306.

⁴⁶ Achen C. H., Bartels L. M. Democracy for Realists: Why Elections Do Not Produce Responsive Government. Princeton University Press, 2016.

Теория социальной идентичности указывает на связь групповой идентичности с установками и поведением индивидов. Субъективное благополучие людей, для которых особенно важна идентификация с национальным сообществом, может измениться в зависимости от того, преуспевает ли сообщество в данный момент или нет.⁴⁷ Это происходит, так как самооценка граждан с высокой национальной гордостью попадает в зависимость от того, как эти граждане воспринимают субъективный статус своей страны.⁴⁸ В связи с этим выдвинута гипотеза 1.3:

Гипотеза 1.3: *Существует положительная корреляция между показателями национальной гордости и субъективным благополучием россиян.*

Учитывая наличие связи между тремя переменными (национальной гордостью, счастьем и доверием президенту), механизм формирования доверия к президенту может быть ещё более сложным. С одной стороны, национальная гордость может увеличивать счастье, за изменением уровня которого последует изменение в доверии к президенту. С другой стороны, возможна логика, при которой сначала снизится или увеличится счастье, что станет поводом меньше или больше гордиться своей национальной идентичностью, а уже за этим последует изменение доверия. Так как теория, использованная для формирования гипотез 1.1–1.3, даёт основания для обоих механизмов, гипотеза 2 была разделена на две части:

Гипотеза 2.1: *Национальная гордость играет роль медиатора между субъективным благополучием и доверием к президенту России. Рост субъективного благополучия положительно связан с национальной гордостью, усиление которой со своей стороны ведёт к повышению доверия к президенту.*

⁴⁷ Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Key readings in social psychology. Political psychology: Key readings / eds. J. T. Jost, J. Sidanius. New York, NY: Psychology Press, 2004. P. 276—293.

⁴⁸ De Vries R. E. Self, in-group, and out-group evaluation: bond or breach? // European Journal of Social Psychology. 2003. Vol. 33. № 5. P. 609—621.

Гипотеза 2.2: *Субъективное благополучие играет роль медиатора между национальной гордостью и доверием к президенту России. Рост национальной гордости положительно связан с субъективным благополучием, усиление которого, со своей стороны, ведёт к повышению доверия к президенту.*

Теория эмансипативной демократизации Вельцеля была использована, чтобы выдвинуть предположение об отрицательной связи эмансипативных ценностей, с одной стороны, и доверия президенту и национальной гордости — с другой. Это ожидание основано на том, что группы населения с такими ценностными ориентациями обычно более требовательны к действующей власти. Граждане с высокими эмансипативными ценностями могут воспринимать текущий политический курс как не представляющий их интересы. Более того, такие ценности обычно ассоциируются с желанием принимать решения на индивидуальном, а не коллективном уровне. Последнее ведёт к понижению национальной гордости как измерению национальной идентичности, в высокой степени зависящему от групповых норм.⁴⁹ Таким образом, теория эмансипативных ценностей позволяет выдвинуть гипотезу 3:

Гипотеза 3: *Россияне с более высокими показателями индекса эмансипативных ценностей имеют более низкие уровни национальной гордости и доверия к президенту России.*

Второстепенной, но актуальной с точки зрения пробелов в литературе задачей диссертации является проверка гипотезы о направлении причинно-следственной связи между национальной гордостью и субъективным благополучием. Так же, как и в случае гипотезы 2, теория предполагает возможность двух направлений причинно-следственной связи. С одной стороны, изменения национальной

⁴⁹ Welzel C. Freedom Rising: Human empowerment and the contemporary quest for emancipation. Cambridge University Press, 2013.

гордости могут сказаться на субъективном благополучии ввиду того, что в глазах индивида, для идентичности которого особо важна принадлежность к национальному сообществу, субъективный статус этого сообщества каким-либо образом изменился.⁵⁰ Возможной является и логика «слепой ретроспективы»⁵¹: граждане атрибутируют изменение уровня субъективного благополучия результатам работы инкубентов, что даёт им повод изменить уровень гордости за страну, которую данные инкубенты представляют. Соответственно, гипотеза 4 была разделена на две части следующим образом:

Гипотеза 4.1: *Национальная гордость оказывает положительный причинно-следственный эффект на субъективное благополучие россиян.*

Гипотеза 4.2: *Субъективное благополучие оказывает положительный причинно-следственный эффект на национальную гордость россиян.*

Данные и методы

Эмпирическую базу диссертационного исследования составляют опросные данные, собранные Институтом Сравнительных Социальных Исследований (ЦЕССИ) посредством метода САТИ⁵² для проекта Лаборатории Сравнительных Социальных Исследований имени Рональда Франклина Инглхарта.⁵³ Изначально респонденты были отобраны в 60 регионах России для формирования репрезентативной выборки, размер которой составил 18 768 человек (сбор данных в 2019—2020 годах). Выборка является репрезентативной по половозрастному составу и доле сельского населения каждого из 60 регионов. Расчёт выборки отталкивался от данных Росстата на 1 января 2018 года и Всероссийской переписи

⁵⁰ Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Key readings in social psychology. Political psychology: Key readings / eds. J. T. Jost, J. Sidanius. New York, NY: Psychology Press, 2004. P. 276—293.

⁵¹ Achen C. H., Bartels L. M. Democracy for Realists: Why Elections Do Not Produce Responsive Government. Princeton University Press, 2016.

⁵² Computer Assisted Telephone Interview (англ.) — Телефонное интервью с помощью компьютера.

⁵³ Алмакаева А., Андреевкова А., Климова А., Соболева Н., Понарин Э. Региональное исследование Лаборатории сравнительных социальных исследований 2019 — 2020.

населения (2010 г.). Приложение 1 содержит выдержку из документа, описывающего методику сбора опросных данных: там можно найти детализацию того, как именно было реализовано построение выборки. В 2021 году было принято решение отобрать из первой волны 2254 человека для проведения панельного исследования (повторный сбор опросных данных у одних и тех же респондентов, но в разное время). С учётом осыпания размер выборки по собранным в 2021 году данным (вторая волна опроса) составил 1517 человек, а при продолжении опроса осенью 2022 года (третья волна опроса) 1312 человек (565, которые приняли участие во всех трёх волнах исследования, и дополнительный набор из первой волны в размере 747 респондентов).

В главе 2 оценивается модель лонгитюдной медиации с использованием подхода моделирования структурными уравнениями, который позволяет оценивать эффект для нескольких зависимых переменных одновременно. Набор параметров (связей), тестирование которых реализовано в главе 2, был теоретически обоснован, поскольку теория имеет особую важность при оценке моделей в рамках моделирования структурными уравнениями. Направление причинно-следственных связей относится к допущениям, а не параметрам, тест которых можно однозначно проинтерпретировать. Результаты оценки моделей не могут подтвердить или опровергнуть теоретически ожидаемые причинно-следственные связи. Рекс Кляйн заключает, что *«единственное, что поддерживает спецификацию направления причинно-следственных связей — это аргументация, то есть качество идей, лежащих в основе гипотезы о том, что X влияет на Y, а не наоборот, или что две переменные взаимно влияют друг на друга. В этом отношении ничто из анализа не имеет значения»*.⁵⁴ Возможное существование внешней (экзогенной), не включённой в анализ переменной, которая влияет как на X, так и на Y, вносит дополнительное ограничение в интерпретацию результатов моделирования. Это подразумевает, что я допускаю не только корректность направления причинно-

⁵⁴ Kline R. B. Assumptions in Structural Equation Modeling // Handbook of Structural Equation Modeling / eds. R. H. Hoyle. New York, NY: The Guilford Press, 2023. P. 133.

следственных связей, но и то, что у переменных, включенных в анализ, отсутствует какая-либо неизмеренная общая причина.⁵⁵

Использование панельных данных в диссертационном исследовании даёт дополнительные основания для интерпретации полученных выводов в терминах причинно-следственных связей. Панельные данные позволяют учесть одно из допущений, которые необходимо соблюдать для определения причины и следствия: причина должна возникать до следствия.⁵⁶ Грэнжер формализовал это правило, предложив, что « x является причиной y , если во время t переменная x_t помогает предсказать переменную y_{t+1} ».⁵⁷ Определение временного порядка переменных позволяет мне интерпретировать наблюдаемые закономерности в терминах причинно-следственной связи с большей уверенностью. Финальный вариант модели был подобран путём сравнения моделей с разными комбинациями параметров с помощью теста на равенство соответствия моделей данным.

Для описания социально-демографических характеристик и ценностных ориентаций россиян с разными уровнями доверия к президенту и разной силой национальной гордости в главе 3 используются модели мультиномиальной логистической регрессии. Для выбора конкретного типа логистической регрессии были выполнены тесты на соблюдение допущений и соответствие моделей данным (тесты Хосмера-Лемешова, Бранта и Хаусмана-Макфадена).

Обоснование границ исследования

Возможно, на результаты настоящего исследования повлияло время сбора данных. Как можно заметить, они были собраны в период, когда россиян затронули два крупных шока: пандемия COVID-19 и начало Специальной военной операции. Как и любые другие кризисы, эти события могли создать неуверенность в будущем и сформировать стимулы для изменения установок. В России в зависимости от

⁵⁵ Там же. P. 128-144.

⁵⁶ Hume D. A Treatise of Human Nature / eds. D. F. Norton, M. J. Norton. Oxford University Press, 2000.

⁵⁷ Kuersteiner G. M. Granger-Sims causality // *Macroeconometrics and Time Series Analysis* / eds. S. N. Durlauf, L. E. Blume. London: Palgrave Macmillan UK, 2010. P. 119–134.

личного опыта пандемии менялась поддержка ценностей равенства,⁵⁸ а изменение трудового статуса (потеря работы или бизнеса) могло отрицательно сказаться на субъективном благополучии.⁵⁹ Вместе с тем, последствия пандемии для политических установок не совсем очевидны: как показали Соколов и Завадская, во время первой волны эпидемии экономические последствия кризиса практически не были связаны с изменением политической поддержки, в то время как страх заразиться самому и страх за близких, напротив, ассоциировались с более высоким уровнем доверия к институтам государства.⁶⁰ Соответственно, кризисный контекст, в период которого были собраны данные, мог сказаться на природе полученных результатов. Следует с осторожностью применять причинно-следственную логику, описанную здесь, к контекстам, в которых социально-экономическая структура общества не затронута кризисами.

Опросные данные, использованные в работе, отражают специфику только российского контекста. Известно, что уровни национальной гордости варьируются между странами и социально-демографическими группами.⁶¹ Внешние шоки, которые ограничивают внешнюю валидность моих выводов, точно так же могут исказить природу взаимосвязи между национальной гордостью, субъективным благополучием и доверием к президенту в других странах. Проблема инвариантности измерений, то есть эквивалентной интерпретации опросных инструментов в разных социальных группах, актуальна для внешней валидности этой работы. Существуют исследования, демонстрирующие инвариантность позитивных мер психологического здоровья — но вместе с тем подтверждение инвариантности измерений затруднено из-за проблем, связанных с переводом

⁵⁸ Корсунова В. И., Соколов Б. О. Динамика поддержки эмансипативных ценностей в России в ходе пандемии COVID-19 // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 2. С. 8 — 24.

⁵⁹ Соболева Н. Э., Соколов Б. О. Изменение статуса на рынке труда в период пандемии COVID-19 и субъективное благополучие россиян // Вопросы экономики. 2021. Т. 12. С. 139 — 153.

⁶⁰ Соколов Б. О., Завадская М. А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России (по материалам опроса “Ценности в кризисе”) // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 152 — 167.

⁶¹ Smith T. W., Kim S. National Pride in Comparative Perspective: 1995/96 and 2003/04 // International Journal of Public Opinion Research. 2006. Vol. 18. № 1. P. 127—136.

вопросов и культурных различий в интерпретации отдельных мер благополучия. К примеру, далеко не очевидно, на какие стандарты опираются респонденты, оценивая удовлетворённость жизнью в таких разных странах, как Германия, Россия и Китай.⁶²

Одно из ограничений, которые часто приводят при проведении опросных исследований об отношении к власти, касается того, что респонденты могут врать из-за страха получить наказание за выражение несогласия. Однако серия списочных экспериментов, проводившихся Тимоти Фраем и коллегами в России в 2015, 2020 и 2022 годах показала, что опросы общественного мнения, скорее всего, демонстрируют реальный уровень популярности президента, и россияне не искажают своё мнение при ответах на вопросы об отношении к нему.⁶³ Соответственно, я могу допустить, что вероятность влияния эффекта социальной желательности на использованные здесь опросные данные невелика.

Настоящее исследование использует единственный индикатор институционального доверия, а именно доверие к президенту, которое было измерено через вопрос «Насколько Вы доверяете Президенту России?». Респонденты выбирали из 4 вариантов ответа: «совсем не доверяю», «не очень доверяю», «в некоторой степени доверяю» и «полностью доверяю». Выбор такого способа измерения определяется несколькими факторами. Во-первых, существуют ограничения в данных. Результаты опроса, использованные здесь в качестве эмпирической базы, содержат только такую формулировку вопроса об отношении к президенту. Использование единственного индикатора влечёт за собой определенные недостатки, так как 1) сложный концепт может быть охвачен лишь частично; 2) интерпретация вопроса будет варьироваться между респондентами; 3)

⁶² Bieda A. et al. Universal happiness? Cross-cultural measurement invariance of scales assessing positive mental health // *Psychological Assessment*. 2017. Vol. 29. № 4. P. 408—421.

⁶³ Frye T. et al. Is Putin's popularity real? // *Post-Soviet Affairs*. 2017. Vol. 33. № 1. P. 1—15.; Frye T. et al. Is Putin's popularity (still) real? A cautionary note on using list experiments to measure popularity in authoritarian regimes // *Post-Soviet Affairs*. 2023. Vol. 39. № 3. P. 213—222.

нельзя понять возможную противоречивость отношения к институту.⁶⁴ Тем не менее, я считаю использование единственного индикатора достаточным для того, чтобы измерить «базовый оценочный взгляд [на президента], отталкивающийся от того, насколько хорошо [президент] работает в соответствии с нормативными ожиданиями людей».⁶⁵ Использование такого подхода является конвенциональным для исследований политического доверия.⁶⁶ Во-вторых, индикаторы доверия другим государственным институтам (например, парламенты, полиция или суды) не были включены в анализ ввиду того, что это потребовало бы использование иного теоретического подхода, так как результаты предыдущих исследований о диверсификации доверия в зависимости от типа института остаются противоречивыми. Некоторые исследователи утверждают, что люди одинаково доверяют всем институтам.⁶⁷ Тем не менее, существуют данные, указывающие, что доверие центральным органам власти может отличаться по своему уровню от доверия региональным и местным политическим институтам.⁶⁸ Такую тенденцию показывают и результаты опросов, проводившихся в России: здесь по-разному доверяют федеральным институтам, органам региональной власти, «силовым» институтам и Русской православной церкви.⁶⁹ Соответственно, вопрос об

⁶⁴ Seyd B. How should we measure political trust? Brighton: Political Studies Association, 2016. P. 1—21.

⁶⁵ Hetherington M. J. The Political Relevance of Political Trust // *American Political Science Review*. 1998. Vol. 92. № 4. P. 791.

⁶⁶ См. например: Catterberg G., Moreno A. The Individual Bases of Political Trust: Trends in New and Established Democracies // *International Journal of Public Opinion Research*. 2006. Vol. 18. № 1. P. 31—48.; Marien S., Hooghe M. Does political trust matter? An empirical investigation into the relation between political trust and support for law compliance // *European Journal of Political Research*. 2011. Vol. 50. № 2. P. 267—291.; Berg L., Hjerm M. National Identity and Political Trust // *Perspectives on European Politics and Society*. 2010. Vol. 11. № 4. P. 390—407.

⁶⁷ Hooghe M. Why There is Basically Only One Form of Political Trust // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2011. Vol. 13. № 2. P. 269—275.

⁶⁸ Schneider I. Can We Trust Measures of Political Trust? Assessing Measurement Equivalence in Diverse Regime Types // *Social Indicators Research*. 2017. Vol. 133. № 3. P. 963—984.

⁶⁹ Попова О. В., Лагутин О. В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 4. С. 599—619.

аффективных источниках доверия иным институтам власти остаётся за рамками настоящего исследования.

В ряде работ было продемонстрировано, что существуют отличные друг от друга измерения национальной идентичности: привязанность к нации и патриотизм,⁷⁰ национальная гордость, «критичный» / «некритичный» патриотизм,⁷¹ гражданские / культурные представления об идентичности.⁷² Данные конструкты могут иметь слабую корреляцию друг с другом и расходящиеся эффекты для поведения и убеждений людей.⁷³ Однако ввиду ограниченного набора вопросов в использованных здесь данных, единственным измерением национальной идентичности, для которого были проведены эмпирические тесты, является национальная гордость.

Определение научного вклада исследования в развитие предметного поля

Результаты настоящей работы могут послужить фундаментом для дальнейших исследований аффективных факторов доверия президенту. Во-первых, было получено подтверждение того, что логику, связывающую национальную гордость и доверие к президенту, можно объяснить с опорой на тезисы теории социальной идентичности. Последняя подсказывает, что гордые россияне поддерживают президента страны потому, что существует ожидание о том, что россиянин должен поддерживать президента. С другой стороны, доверие гордящихся можно объяснить, предположив, что они доверяют президенту, так как

⁷⁰ Huddy L., Khatib N. American Patriotism, National Identity, and Political Involvement // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. № 1. P. 63—77.

⁷¹ Schatz R. T., Staub E. Manifestations of blind and constructive patriotism: Personality correlates and individual–group relations // *Patriotism: In the lives of individuals and nations*. Chicago, IL, US: Nelson-Hall Publishers, 1997. P. 229—245.

⁷² Hansen H. E., Hesli V. L. National Identity: Civic, Ethnic, Hybrid, and Atomised Individuals // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. № 1. P. 1—28.

⁷³ Miller D., Ali S. Testing the national identity argument // *European Political Science Review*. 2014. Vol. 6. № 2. P. 237—259.

считают, что он хорошо представляет их интересы. Более детально данную логику можно понять, лишь обратившись к качественной методологии.

Во-вторых, я продемонстрировал, что как национальная гордость влияет на доверие к президенту, так и доверие к президенту влияет на национальную гордость. Результаты статистического моделирования указывают, что скорее всего изменения в национальной гордости являются первичными: сначала растёт или спадает национальная гордость, а уже за этим следует рост или снижение доверия к президенту. Тем не менее, я не могу сделать однозначный вывод о том, меняет ли гордость доверие, или же доверие влияет на гордость. Наличие такого эффекта прямой и обратной зависимости между гордостью и доверием президенту создаёт необходимость более детального анализа этого механизма. Гордость и доверие являются самодостаточной системой, где оба элемента поддерживают друг друга. Одно из возможных объяснений, которое необходимо проверить, заключается в роли норм и потребности поддерживать целостную систему взглядов.

В-третьих, результаты работы подчеркивают влияние процессов модернизации в определении результатов политического процесса. Если следовать модели, предложенной Инглхартом и Вельцелем, то по мере улучшения качества жизни россиян их ценностные ориентации должны продолжить движение в сторону ценностей самовыражения и секулярно-рациональных представлений о власти. Рост данных ценностей может увеличить количество требований, которые граждане будут предъявлять инкумбентам. При отсутствии согласования между ценностями и реализуемой политикой государства смена ценностных ориентаций россиян может привести к понижению доверия президенту. Отголоски этого можно уже заметить в результатах моего исследования. Более того, включение ценностей в оцениваемые модели продемонстрировало, что ценностный профиль, который российские власти позиционируют в качестве «ядра» своей поддержки, действительно представлен среди россиян.

В-четвертых, я привожу дополнительные доказательства важности аффективных факторов доверия к президенту. Представленные здесь результаты свидетельствуют о том, что уровень доверия к президенту формируется у

индивидов не только в результате обдумывания информации о работе институтов государства. Аффективные факторы также играют значимую роль. Национальная гордость подсказывает россиянам с высокой национальной гордостью, что им стоит доверять президенту. Ценности являются ещё одним аффективным фактором доверия к президенту, так как они мотивируют людей на совершение действий и выступают в качестве критерия оценки результатов работы президента. Если реализуемый президентом курс соответствует ценностным ориентациям граждан, то у них будет отсутствовать повод не доверять ему, так как президент совершает действия, которые не противоречат тому, что люди считают желаемым и приемлемым. В российском случае деятельность президента чаще вызывает одобрение у граждан, имеющих низкие показатели эмансипативных ценностей. Таким образом, я показал, что национальная гордость облегчает процесс формирования доверия к президенту, а ценностные ориентации дают дополнительный критерий, от которого россияне отталкиваются, чтобы понять, стоит ли им доверять президенту или нет. Настоящая работа демонстрирует, что ученым, работающим в области политической социологии, необходимо уделять больше внимания анализу эмоциональной стороны политического доверия для того, чтобы объяснить большую долю вариации политического поведения.

В-пятых, объяснение счастья как продукта национальной гордости вносит вклад в дискуссию о детерминантах субъективного благополучия и национальной гордости как независимой переменной. Если в будущем данная причинно-следственная взаимосвязь будет подтверждена на данных, которые не были собраны в период внешних шоков, то представленные здесь результаты могут послужить доказательством устойчивости такой связи. Если же попытка валидации моих выводов продемонстрирует противоположное направление связи, это создаст необходимость уточнить теоретическое объяснение причинно-следственной связи с учетом контекста.

Положения, выносимые на защиту

1. Национальная гордость усиливает доверие к президенту;
2. Доверие к президенту усиливает национальную гордость;
3. Счастье повышает доверие к президенту, но данный эффект является более слабым по сравнению с положительным эффектом национальной гордости;
4. Механизм, при котором национальная гордость сначала увеличивает показатели счастья, что затем увеличивает доверие к президенту, не был эмпирически доказан. Также не подтверждается теоретически ожидаемый эффект счастья, которое увеличивает национальную гордость, за изменением уровня которой следует подъём доверия президенту.
5. Социально-демографические характеристики и ценностные ориентации респондентов, которые доверяют президенту и гордятся тем, что они россияне, в значительной степени совпадают. Низкие показатели индекса эмансипативных ценностей, высокая религиозность, принадлежность к женскому полу, высокий возраст, проживание в сельской местности и высокая степень удовлетворённости доходом чаще характеризуют эти группы населения;
6. В причинно-следственной связи между национальной гордостью и уровнем счастья именно гордость ведёт к изменениям в счастье, а не наоборот.

Апробация работы

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы автором в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных НИУ ВШЭ:

1. Зубарев Н.С. Социально-психологические факторы массовой поддержки автократий: обзор исследований // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. № 4 (16). С. 118-126.
2. Зубарев Н. С. Национальная гордость как медиатор доверия президенту: Случай России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2023. № 1 (108). С. 126-140.
3. Зубарев Н. С., Морева Ю. Е., Понарин Э. Д. Субъективное благополучие и национальная гордость россиян: анализ причинно-следственных связей // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. С. 56-70.

Конференции:

1. «Санкт-Петербургская конференция по неравенству и многообразию», 13.11.2021 г., НИУ ВШЭ Санкт-Петербург; Доклад: Nationalist Attitudes as a Source of Electoral Support for the Party of Power in Russia.
2. «12th LCSR International Workshop “Recent Advances in Cross-Cultural Research”», 13.04.2023 г., НИУ ВШЭ; Доклад: National Pride and Subjective Well-Being as Determinants of Political Support: The Case of Russia.
3. «13th LCSR International Workshop “Recent Advances in Comparative Study of Values”», 26.04.2024 г., НИУ ВШЭ; Доклад: Subjective Well-Being, National Pride, and Trust in the President of Russia: A Path Analysis.

Семинары:

1. Семинар Лаборатории сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, 22.02.2024 г., НИУ ВШЭ; Доклад: Национальная гордость как источник доверия президента в России.

Основное содержание работы

В главе 1 я даю подробное объяснение теоретических оснований связи доверия к президенту, национальной гордости и счастья как элемента субъективного благополучия. Разделы 1.1–1.3 содержат обоснование того, как социальная идентичность может влиять на поведение и установки индивидов (1.1), объяснение того, почему идентификацию со страной можно считать формой социальной идентичности (1.2) и, наконец, (1.3) описание принятых в научной литературе способов измерения идентификации с национальным сообществом через социальные опросы.

Ранние исследования в области социальной психологии продемонстрировали, что простое разделение людей на группы посредством присвоения им лейбла является достаточным стимулом для того, чтобы сформировать предпочтения к собственной группе.⁷⁴ Следующим важным шагом для ТСИ стало развитие понимания того, что категории, к которым люди приписывают друг друга, не имеют ясно обозначенных границ. Отдельные характеристики могут делать человека более или менее типичным членом определённой группы. Следствием данного теоретического положения стал вывод: *социальная идентичность может иметь идеальный (прототипичный) набор характеристик или модель поведения, описывающую наиболее типичного члена группы*. Соотношение себя с данным прототипом является аспектом формирования социальной идентичности.⁷⁵

Таким образом, два основных положения ТСИ — это, во-первых, категоризация как процесс определения границ между «своими» и «чужими» группами; во-вторых, фаворитизм всего, что связано с группой, и отчуждение всего, что считается «чужим». Каким образом данные характеристики социальной

⁷⁴ Tajfel H., Turner J. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / eds. W. G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.

⁷⁵ Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Key readings in social psychology. Political psychology: Key readings / eds. J. T. Jost, J. Sidanius. New York, NY: Psychology Press, 2004. P. 276–293.; Huddy L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory // Political Psychology. 2001. Т. 22. № 1. P. 127–156.

идентичности могут сказаться на поведении индивидов? Ориентация на прототипичного члена группы предполагает изменение самовосприятия, установок и поведения в соответствии с данным прототипом. Всё существование людей определяется групповыми нормами, «поскольку нормы приписывают контекстуально-специфичные установки и поведение, приемлемые для членов группы».⁷⁶ Контекстуальность социальных идентичностей предполагает, что анализировать влияние той или иной идентичности следует в условиях, где она наиболее релевантна. Нормы будут оказывать эффект только там, где задающая их идентичность имеет значение. Далее, ТСИ предполагает и то, что нормы будут иметь следствие только для поведения людей, наиболее сильно идентифицирующих себя с группой. Поведение по стандартам группы возможно и благодаря тому, что люди скорее будут согласовывать поведение с установками (здесь важно помнить, что социальная идентичность формирует установки) в условиях, когда «нормативный климат»⁷⁷ поощряет поведение, соответствующее установкам, как что-то важное для членов группы.

Далее, в разделе 1.2 я обращаю внимание на то, что, учитывая положения ТСИ, обозначенные выше, можно определить, что национальная идентичность предполагает ясное разделение на «свои» и «чужие» национальные сообщества, демонстрацию предпочтений к своей нации и эмоциональную привязанность к ней. Люди, обладающие сильной национальной идентичностью, как предсказывает ТСИ, должны ориентироваться на прототипичного представителя своей нации при формировании системы ценностей и моделей поведения. Соответственно, это предполагает, что контекстуальность национальной идентичности имеет вес.

В разделе 1.3 я выделяю такие концептуализации привязанности к собственной стране как «национальная идентичность», «патриотизм», «национальная гордость» и «национальный шовинизм» и даю им определения.

⁷⁶ Terry D. J., Hogg M. A., White K. M. Attitude—behavior relations: Social identity and group membership // Attitudes, behavior, and social context: The role of norms and group membership Applied social research. Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2000. P. 72.

⁷⁷ Там же, P. 74.

Здесь важно помнить, что существуют индивидуальные различия в степени привязанности к стране, источником которых является чувство близости или отдаленности от группового прототипа или ключевых ценностей, поддерживаемых прототипическими членами групп.⁷⁸ Данные различия описывают, как люди могут иметь индивидуальные различия в силе (важности) отдельных идентичностей и установок.

Раздел 1.4 приводит определение политического доверия и перечисляет ряд подходов к его изучению. Я использую определение политической поддержки, предложенное Марком Хетерингтоном, так как оно соответствует теоретической рамке диссертационного исследования. Хетерингтон понимает доверие как «степень, в которой люди воспринимают, что правительство производит результаты, соответствующие их ожиданиям».⁷⁹

Раздел 1.5 описывает концептуализацию понятия «субъективного благополучия» и ряд его детерминант. В сферу интересов исследователей субъективного благополучия (СБ) входит анализ того, как люди оценивают собственную жизнь. В качестве отдельных измерений можно выделить как удовлетворённость определенными сферами жизни (такими как, например, брак или карьера), так и эмоциональные реакции на происходящие с людьми события (позитивный аффект или отсутствие негативного). Эмпирически доказано существование двух отдельных эмоциональных сторон СБ, которые предполагают оценку событий, происходящих в жизни в настоящий момент. С одной стороны, это «приятный аффект», включающий радость, восторг, довольство, гордость, привязанность, счастье и экстаз. С другой стороны — «неприятный аффект» состоит из вины и стыда, печали, беспокойства, злобы, стресса, депрессии и зависти. В исследованиях было показано, что все четыре стороны СБ (позитивный и негативный аффекты, удовлетворённость жизнью, удовлетворённость сферами

⁷⁸ Huddy L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory // *Political Psychology*. 2001. Vol. 22. № 1. P. 127–156.

⁷⁹ Hetherington M. J. *Why Trust Matters: Declining Political Trust and the Demise of American Liberalism*. Princeton: Princeton University Press, 2018. P. 9.

жизни) являются отдельными конструктами.⁸⁰ В эмпирической части диссертационного исследования проводится анализ только уровня счастья, так как данный индикатор СБ относится к эмоциональным способам оценки состояния жизни.

Психологи относят личностные черты к наиболее стабильным и влиятельным факторам, формирующим субъективное благополучие. В первую очередь, это экстраверсия и невротизм, имеющие сильную корреляцию с позитивным и негативным аффектом соответственно.⁸¹ Вместе с тем, процесс оценки своей жизни может быть когнитивно обусловлен, когда люди используют сравнение текущего состояния с каким-либо стандартом. Те, у кого есть несколько близких друзей или супруг(-а), в среднем оказываются более счастливыми по сравнению с другими людьми. При этом изменения в социальных связях могут привести к последующему повышению или понижению удовлетворённости жизнью.⁸²

Есть у субъективного благополучия и культурное измерение: люди, проживающие в разных странах, отталкиваются от разных оснований при оценке благосостояния. Постсоветский регион характеризуется разделением стран на два кластера: в одном из них (Средняя Азия, Азербайджан и Армения) оценка счастья попадает в зависимость от культурно-национальных факторов, а в другом (Восточная Европа и Грузия) счастье чаще определяют социально-экономические факторы. Культурно-национальные факторы в данном случае включают нормы восприятия и выражения счастья, структуру типов личности и коллективные социально-психологические черты. К социально-экономическим и политическим факторам относятся ВВП на душу населения, инфляция, экономическое неравенство, размер социальной поддержки населения со стороны государства,

⁸⁰ Diener E. et al. Subjective well-being: Three decades of progress // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125. № 2. P. 276—302.

⁸¹ Diener E., Oishi S., Lucas R. E. Personality, Culture, and Subjective Well-Being: Emotional and Cognitive Evaluations of Life // *Annual Review of Psychology*. 2003. Vol. 54. P. 403—425.

⁸² Diener E., Tamir M., Scollon C. N. Happiness, Life Satisfaction, and Fulfillment: The Social Psychology of Subjective Well-Being // *Bridging Social Psychology* / ed. P. A. M. Van Lange. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2006. P. 319—324.

развитие демократии, уровень коррупции, ожидаемая продолжительность жизни, урбанизация и уровень образования.⁸³

Раздел 1.6 первой главы приводит теоретическое обоснование тестируемых механизмов взаимосвязи между уровнями счастья, национальной гордости и доверия президенту. Один из основополагающих принципов, объясняющих связь национальной идентичности и доверия, указывает, что люди с большей вероятностью доверяют тем группами, с которыми, по их мнению, они разделяют идентичность. Экспериментальные данные демонстрируют, что люди с одной идентичностью могут ожидать справедливые действия по отношению друг к другу (например, распределение ресурсов).⁸⁴ В российском контексте политические элиты вкладывают большой объем ресурсов в символическую политику, направленную на распространение идеи особой важности российской нации. Это может поощрять дополнительное доверие у имеющих высокую степень национальной гордости, так как их политические предпочтения, скорее всего, будут совпадать с такой стратегией символической политики.⁸⁵ Наконец, гордость и доверие могут быть положительно связаны, если в обществе существует ожидание о доверии члена группы политическим институтам.⁸⁶

С одной стороны, избиратели могут лучше запомнить хорошие или плохие стороны работы инкумбента, и впоследствии выносить суждения о нём или ней на основании тех фактов, которые лучше сохранились в памяти. С другой стороны, избиратели также могут атрибутировать своё эмоциональное состояние результатам работы инкумбента.⁸⁷ Как следствие, я ожидаю, что среди россиян

⁸³ Андреевкова А. В. Межстрановые различия в уровне счастья в постсоветских странах — сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 316—339.

⁸⁴ Lenard P. T., Miller D. Trust and National Identity // The Oxford Handbook of Social and Political Trust / ed. E. M. Uslaner. Oxford University Press, 2018. P. 57—74.

⁸⁵ Miller A. H. Political Issues and Trust in Government: 1964—1970 // American Political Science Review. 1974. Vol. 68. № 3. P. 951—972.

⁸⁶ Axelrod R. An Evolutionary Approach to Norms // The American Political Science Review. 1986. Vol. 80. № 4. P. 1095—1111.

⁸⁷ Healy A., Malhotra N. Retrospective Voting Reconsidered.

существует положительная корреляция между показателями субъективного благополучия и доверия к президенту.

Высокая удовлетворённость в одной сфере жизни может оказывать побочный эффект (*spillover effect*) на удовлетворённость в другой, когда у людей с высоким благополучием также наблюдается высокая удовлетворённость состоянием нации, к которой они принадлежат. Субъективное благополучие человека может синхронно меняться вместе с удовлетворённостью групповой идентичностью, если членство в группе особо важно для индивида.⁸⁸

С точки зрения теории, механизм связи между национальной гордостью, счастьем и институциональным доверием может быть еще более сложным. С одной стороны, национальная гордость может увеличивать счастье, за изменением уровня которого последует изменение в доверии к президенту. С другой стороны, возможна логика, при которой сначала снизится или увеличится счастье, что станет поводом меньше или больше гордиться своей национальной идентичностью, а уже за этим последует изменение доверия.

Теория Вельцеля предполагает, что для групп населения с высокими показателями эмансипативных ценностей особую важность приобретает контроль поведения на индивидуальном уровне. Граждане, которые имеют ориентацию на эмансипативные ценности, зачастую более критичны к инкумбентам по причине высоких требований, которые они предъявляют к представителям власти. Более того, я также ожидал, что ориентация на эмансипативные ценности будет отрицательно связана с национальной гордостью, так как данные группы населения меньше полагаются на обязательства, сопутствующие коллективистской национальной гордости.⁸⁹

⁸⁸ Reeskens T., Wright M. Subjective Well-Being and National Satisfaction: Taking Seriously the “Proud of What?” Question // *Psychological Science* 2011. Vol. 22. № 11. P. 1460–1462.; Steele L. G., Lynch S. M. The Pursuit of Happiness in China: Individualism, Collectivism, and Subjective Well-Being During China’s Economic and Social Transformation // *Social Indicators Research*. 2013. Vol. 114. № 2. P. 441–451.; Ha S. E., Jang S.-J. National Identity, National Pride, and Happiness: The Case of South Korea // *Social Indicators Research*. 2015. Vol. 121. № 2. P. 471–482.

⁸⁹ Welzel C. *Freedom Rising: Human empowerment and the contemporary quest for emancipation*. Cambridge University Press, 2013.

Согласно логике «слепой ретроспективы»⁹⁰, цепочку мышления граждан можно реконструировать следующим образом: человек оценивает собственный уровень благополучия → учитывая вес, который государство играет в жизни каждого гражданина, человек атрибутирует уровень собственного благополучия деятельности государства → последнее создаёт стимул повысить, понизить или оставить неизменной гордость за страну. С другой стороны, причинно-следственная связь может идти от гордости за группу к благополучию индивида в периоды, когда данная группа преуспевает. Такая взаимосвязь является следствием факта зависимости самооценки человека от его оценки группы, к которой он принадлежит.⁹¹ Вместе с тем, членство в группе и идентификация с той группой, которая субъективно превосходит другие группы, может положительно сказываться на уровне субъективного благополучия, так как положение человека субъективно воспринимается как более высокое по сравнению с другими людьми.⁹²

Главы 2 и 3 содержат результаты эмпирической части исследования. Глава 2 посвящена установлению причинно-следственных связей между национальной гордостью, счастьем и доверием к президенту. В главе можно найти проверку гипотез 1.1–2.2, а также 4.1 и 4.2, то есть тестирование предположений, во-первых, о корреляции между доверием президенту, национальной гордостью и субъективным благополучием и, во-вторых, о том, какие из переменных можно охарактеризовать как факторы, влияющие на изменение уровня других переменных.

Использование вышеописанных методов позволило показать следующие результаты. Существует два маршрута (механизма) по которым национальная гордость увеличивает доверие президенту. Во-первых, национальная гордость в первой волне опроса тесно связана с национальной гордостью во второй волне. В

⁹⁰ Achen C. H., Bartels L. M. *Democracy for Realists: Why Elections Do Not Produce Responsive Government*. Princeton University Press, 2016.

⁹¹ De Vries R. E. Self, in-group, and out-group evaluation: bond or breach? // *European Journal of Social Psychology*. 2003. Vol. 33. № 5. P. 609–621.

⁹² Fujita F. The frequency of social comparison and its relation to subjective well-being // *The science of subjective well-being* / eds. M. Eid, R. J. Larsen. New York, NY: The Guilford Press, 2008. P. 239–257.

свою очередь гордость во второй волне опроса положительно связана с доверием президенту в третьей волне. Таким образом доверие к президенту в третьей волне является прямым следствием уровня национальной гордости во второй волне и одновременно опосредованным следствием уровня национальной гордости в первой волне. Во-вторых, национальная гордость в первой волне усиливает доверие президенту во второй волне опроса, а оно в свою очередь тесно связано с доверием президенту в третьей волне опроса.

Счастье не имеет статистически значимого влияния на национальную гордость во всех комбинациях волн опроса. Теоретически ожидаемый эффект, при котором счастье бы увеличивало национальную гордость, а та в свою очередь усиливала доверие к президенту, отсутствует. Однако это не отменяет того, что счастье само по себе может увеличивать доверие к президенту. Согласно моим данным, предположение о том, что национальная гордость усиливает счастье, за изменениями в котором следует увеличение доверия, оказалось неверным. Вместе с тем я продемонстрировал, что увеличение национальной гордости делает россиян более счастливыми. Как следствие, я могу заключить, что именно гордость увеличивает уровень счастья, а не наоборот.

Продемонстрирована прямая и обратная зависимость между национальной гордостью и доверием президенту: как гордость может увеличивать доверие к президенту, так и доверие к президенту может усиливать национальную гордость. Нельзя с точностью сказать, изменения в какой из этих переменных первичны, так как они оказывают взаимное влияние друг на друга. Важным эмпирическим результатом настоящей работы является противопоставление близкой взаимосвязи национальной гордости и доверия президенту, с одной стороны, и слабого влияния счастья на доверие к президенту — с другой стороны. Одним из возможных объяснений такого контраста может быть принадлежность гордости и доверия президенту к публичной сфере жизни, в то время как счастье относится к области приватного. Публичность национальной гордости заключается в том, что, говоря об определённом уровне гордости, человек вступает в диалог с (1) нормами, определяющими членство в национальном сообществе; (2) целями, разделяемыми

членами национального сообщества; (3) способами сравнения своего национального сообщества с другими сообществами; (4) когнитивными моделями, предлагающими определенный взгляд на политическую и материальную реальность, окружающую национальное сообщество.⁹³ Данные элементы социальной идентичности являются продуктом взаимодействия между людьми, что делает их частью публичных интересов. Национальная гордость и доверие к президенту могут поддерживать друг друга как установки, наиболее близкие к публичной сфере, взаимодействуя с которой граждане чувствуют необходимость защищать публичные интересы, необходимость «сохранять и продвигать образ действий и воплощённых в нем ценностей».⁹⁴ Такая защита выражается в подчеркнута высоком доверии к президенту и высокой степени национальной гордости.

В 3 главе диссертационного исследования было продемонстрировано, что те, кто доверяют президенту, и те, кто гордятся быть россиянами, имеют очень похожие друг на друга социально-демографические характеристики и ценностные ориентации. Эти группы населения чаще характеризуют высокие религиозность, возраст и удовлетворенность уровнем дохода, принадлежность к женскому полу и проживание в сельской местности. Доверяющие президенту и гордящиеся тем, что они россияне, имеют низкие значения индекса эмансипативных ценностей. Среди компонентов индекса наиболее значимый отрицательный эффект имеют ценности «выбора», то есть более гордые и доверяющие президенту россияне чаще считают гомосексуализм, разводы и аборты совсем неприемлемыми или приемлемыми лишь иногда. Вторым по размеру оказался отрицательный эффект ценностей «равенства». Доверяющие президенту и гордящиеся тем, что они россияне, чаще считают, что (1) мужчины являются лучшими политиками по сравнению с женщинами, (2) приоритет в распределении рабочих мест в периоды экономических трудностей должен отдаваться мужчинам и (3) образование важнее

⁹³ Abdelal R. et al. *Identity as a Variable // Measuring Identity: A Guide for Social Scientists* / eds. R. Abdelal et al. Cambridge University Press, 2009. P. 17—32.

⁹⁴ Canovan M. *Politics as Culture: Hannah Arendt and the Public Realm // History of Political Thought*. 1985. Vol. 6. № 3. P. 639.

для мальчиков, чем для девочек. Третьими по размеру эффекта являются ценности «автономии». Доверяющие президенту и граждане с высокой национальной гордостью чаще считают послушность важным качеством, которое нужно развивать при воспитании детей, но при этом не считают такими качествами воображение и независимость.

Отмечу, что мои результаты не подразумевают, что только данные группы населения доверяют президенту. В процентном соотношении доверие к президенту среди них может приближаться к 100%. Молодые нерелигиозные городские жители-мужчины с высокими показателями эмансипативных ценностей также могут быть сторонниками президента. Однако среди них концентрация оппозиционно настроенных граждан выше.